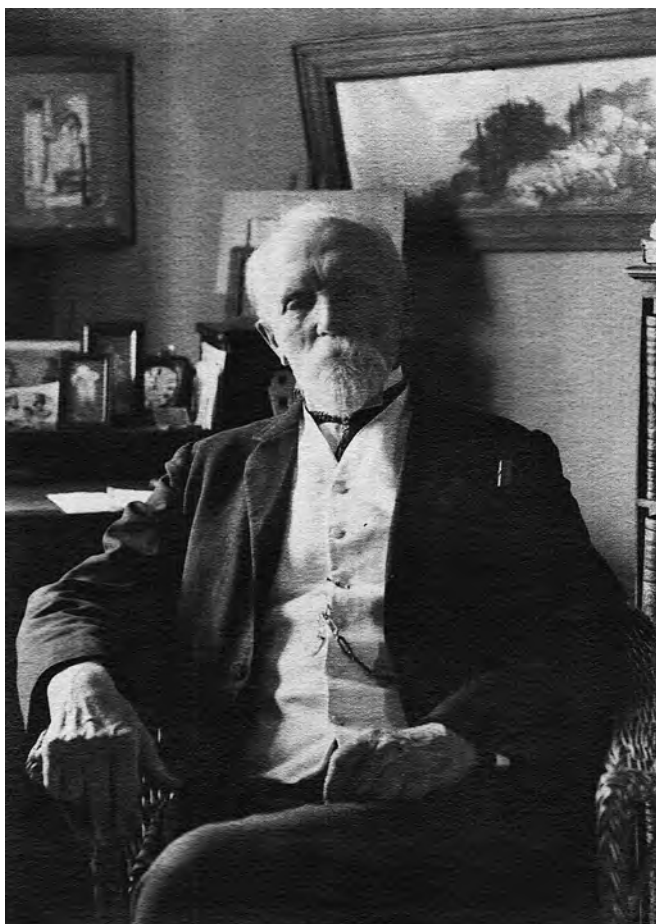

М. В. Ковалев

Е. Ф. ШМУРЛО И ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ О ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХЕ
(1920–1930-е гг.)

Евгений Францевич Шмурло (1853–1934) по праву занимает особое место в историографии Петровской эпохи¹ (ил. 1). Его перу принадлежит ряд важных исследований о ранних годах Петра Великого, о Великом посольстве и истории дипломатической борьбы, а также об отражении образов царя-реформатора и его времени в общественной мысли, науке и культуре. Несмотря на статус эмигранта, не принявшего власть большевиков и решившего не возвращаться на Родину, Е. Ф. Шмурло не был запретной фигурой в советской исторической науке. В то же время специально его жизнь и творчество не изучались. Хотя работы ученого, особенно дореволюционного периода, неизменно цитировали, его личный фонд, вывезенный из Праги в составе Русского заграничного исторического архива, находился в спецхране Центрального государственного архива Октябрьской революции вплоть до конца 1980-х гг. В наши дни научное наследие Е. Ф. Шмурло привлекает все большее внимание исследователей. В особенности это касается периода его деятельности в Риме как ученого корреспондента Академии наук и вклада в изучение русско-итальянских отношений². Многие его труды переизданы в современной России. Тем не менее обширное и многогранное научное творчество Е. Ф. Шмурло вкупе с его богатым архивным наследием нуждается в углубленном и комплексном изучении. Цель данной статьи – проанализировать работы историка о Петре Великом и его эпохе, созданные в годы эмиграции, выявить их связь с предшествующими исследованиями, а также попытаться проникнуть в творческую лабораторию ученого посредством обращения к его документальному наследию.

В отечественной историографии Е. Ф. Шмурло известен своими масштабными работами в европейских архивах, где он выявлял материалы по российской истории. География его поисков была поистине широкой. Он бывал в таких местах, где прежде российские ученые-историки вообще не работали, например, на острове Мальта. Одной из задач этих исследований были поиски материалов о петровском времени. Так, в 1892 г. Е. Ф. Шмурло участвовал в торжествах в честь трехсотлетия первой лекции Галилео Галилея в Падуанском университете. В Падуе он обнаружил уникальные архивные материалы о Петре Васильевиче Постникове (1666 – после 1716), видном дипломате и враче Петровской эпохи, которые легли в основу биографического исследования об этом неординарном деятеле³. В декабре 1892 г. в Венеции он разыскал документы о приготовлениях сената республики к так и несостоявшемуся приезду Петра Великого, а также неизвестную грамоту царя дожу. В 1893 г. Е. Ф. Шмурло посетил

Ил. 1. Е. Ф. Шмурло. Прага, 1931 г.
Из личного архива М. В. Ковалева

Голландию и Францию. В архивах Гааги он изучил донесения голландского посланника при русском дворе в 1724–1725 гг.⁴, побывал в Амстердаме и посетил в Заандаме домик Петра. В Париже историк собрал дополнительные сведения о П. В. Постникове, жившем во французской столице в 1702–1710 гг., а также о Б. П. Шереметеве. На рубеже веков Е. Ф. Шмурло заинтересовался слабоизученными сюжетами дипломатических сношений петровской России с Германией, Венецией, Польшей и Святым престолом. Из ватиканских, парижских, венских, гаагских, венецианских архивов и библиотек он извлек множество документов, которые проливали свет на практически неизвестные сюжеты истории международных связей в конце XVII – начале XVIII в. и на место России в них, содержали ценнейший материал о взаимоотношениях православной и католической церкви. Результаты этого поистине титанического труда легли в основу фундаментального сборника документов, изданного в Юрьеве в 1903 г. и не имеющего аналогов по сей день⁵.

Столь подробный экскурс в архивные практики Е. Ф. Шмурло не случаен. Он дает понять, каким образом ученый-историк, оказавшийся на склоне лет в Праге, сильно

ограниченный в передвижениях состоянием здоровья, сумел подготовить целый ряд работ о Петре Великом и его времени. Е. Ф. Шмурло удалось сформировать огромный массив архивных копий и выписок, который позволял продолжать работу. Обратим внимание, что он не пытался вести поисковые работы в чехословацких архивах, разыскивая там материалы о Петре. Этим впоследствии займется его эмигрантский коллега Антоний Васильевич Флоровский (1884–1968). Невнимание к чехословацким архивным собраниям объяснялось, видимо, не только преклонным возрастом и ограниченной трудоспособностью⁶, но и желанием обработать то, что было накоплено за предшествующие годы, стремлением завершить ранее начатые исследовательские проекты. Тем более что материалов было предостаточно.

Всю свою жизнь Е. Ф. Шмурло мечтал написать большое исследование о Петре и его времени. Еще в 1900–1902 гг. появилась серия его статей «Критические заметки по истории Петра Великого», объединенная целью по-новому взглянуть на некоторые эпизоды из детства и юности царя, а также на первые шаги его самостоятельного правления вплоть до Великого посольства⁷. Е. Ф. Шмурло подготовил книгу «Петр Великий: от колыбели до Великой Северной войны». Рукопись ее осталась в Петрограде во время последнего посещения историком России в 1916 г. и так и не была опубликована⁸. На всем протяжении 1920-х и даже в начале 1930-х гг. Е. Ф. Шмурло пытался вернуть свои рабочие материалы. Он просил о помощи у старых друзей – С. Ф. Платонова и С. Ф. Ольденбурга, обращался в Архив Академии наук в Ленинграде, но все попытки оказались безуспешными⁹. В эмиграции Е. Ф. Шмурло пришлось по памяти восстанавливать свой труд. В 1931 г. в Праге была опубликована одна из глав книги, посвященная первым годам петровского правления¹⁰. В этой малой части задуманного большого труда Е. Ф. Шмурло подробно остановился не только на персоне самого Петра в начале его еще несамостоятельного правления, но и на его окружении, на тех жизненных обстоятельствах, которые повлияли на становление его личности. Тем самым историк продолжал исследовательскую линию, намеченную еще до революции и выражавшуюся в глубоком историко-психологическом изучении личности на фоне эпохи. К сожалению, восстановить полностью свою книгу Е. Ф. Шмурло не смог и упомянутая глава осталась единственным следом этой трудной работы¹¹.

Обращаясь к ранним годам Петра, Е. Ф. Шмурло не мог обойти стороной его борьбу с Софьей. После смерти царя-реформатора начала складываться историческая традиция, согласно которой его оппоненты рассматривались как противники прогресса, ревностные последователи закостенелой старины, носители темной силы в противовес живой энергии Петра и его преобразований. Именно Софья на долгие годы стала одним из олицетворений старого московского «мракобесия». Эти представления были закреплены Н. Г. Устряловым, видевшим в Софье злого гения, желавшего загородить Петру дорогу к трону. Попытки переоценить историческую роль царевны предпринимались еще Г. Ф. Миллером, Н. М. Карамзиным и Н. А. Полевым. В 1870-е гг. радикально пересмотреть отношение к Софье пробовал Н. Я. Аристов¹². В своем стремлении обелить царевну он зашел так далеко, что представил ее едва ли не наивной и невинной жертвой внешних обстоятельств. Е. Ф. Шмурло был одним из первых русских историков, кто попытался объективно и беспристрастно оценить личность Софьи, отрешившись от разного рода крайностей¹³. В эмигрантских работах, особенно в «Курсе русской истории», он повторял прежние оценки¹⁴. Историк не был склонен чернить образ Софьи,

обвинять ее в коварных замыслах. Наоборот, он высоко ценил царевну как яркую и талантливую личность, как «...первую русскую женщину, вышедшую на арену политической и общественной деятельности, как своего рода родоначальницу освободительного женского движения»¹⁵. Для Е. Ф. Шмурло исторический процесс был во многом персонифицирован, отсюда проистекало его пристальное внимание к биографиям Петра, его родственников и ближайших сподвижников. Отметим, что в последние годы жизни ученый работал над статьей «Три портрета Романовской семьи – Алексей Михайлович, Софья и Петр», которая, увы, осталась незавершенной¹⁶.

Е. Ф. Шмурло, как в свое время С. М. Соловьев, полагал, что необходимость реформ назрела в русском обществе задолго до Петра, первостепенные задачи этого пути уже были сформулированы предшествующими поколениями. Признавая гениальность царя-реформатора, историк вовсе не был склонен рассматривать его появление на троне, его реформаторский курс как нечто необычное, случайное. Личность для него отражает эпоху и сама оказывает на нее влияние. При этом «индивидуальность человеческой воли, человеческого понимания вносят бесконечные вариации, бесчисленные оттенки в жизнь общества...»¹⁷. Е. Ф. Шмурло не противопоставлял Петра дореформенному прошлому, его эпоха органически выростала из предшествующего развития страны.

Другой характерной чертой научного творчества Е. Ф. Шмурло в период эмиграции стало внимание к дипломатической истории Петровской эпохи¹⁸. Так, на основе архивных материалов, разысканных в итальянских архивах, он написал ценную работу о контактах России со Святым престолом¹⁹. Политику Петра по отношению к Риму Е. Ф. Шмурло характеризовал как «здравый реализм». Папство же ставило перед собой изначально невыполнимую задачу – заключение унии. В этой ситуации Петр сумел максимально извлечь выгоды для России, при этом не давая Риму никаких обязательств. Став «господином положения на Востоке Европы», царь «тем свободнее и независимей будет... держать себя по отношению к Римскому Престолу, тем менее станет считаться с его требованиями и пожеланиями»²⁰.

Важным эпизодом во взаимоотношениях России и Рима стала поездка Бориса Петровича Шереметева (1652–1719) в Италию и на Мальту в конце XVII в. Это был хорошо известный в исторической науке эпизод, тем более что сохранились записки самого путешественника. Е. Ф. Шмурло значительно расширил круг познаний об этой миссии на основе документов, найденных им в архивах Венеции, Рима, Неаполя, Мальты, Флоренции и Парижа. Путешествие Б. П. Шереметева он впервые рассмотрел на фоне политической обстановки в России в конце XVII в., в рамках всего внешнеполитического курса. Он сопоставил эту поездку с другим уникальным явлением в истории отечественной дипломатии – Великим посольством 1697–1698 гг.

Первоначальной целью посольства было создание всехристианской антитурецкой коалиции. Естественно, что ее вдохновителем в Европе мог быть только папа. Это вынуждало Москву идти на контакты с Римом. Еще до революции Е. Ф. Шмурло сделал вывод, что изменение отношения к Святому престолу началось в царствование Алексея Михайловича, когда в Рим в 1672 г. из Москвы было направлено посольство Павла Менезия. Необходимость налаживания контактов с центром католического мира осознавал и Петр. Поездка Б. П. Шереметева, по мнению Е. Ф. Шмурло, как раз и была призвана содействовать укреплению двухсторонних связей. Б. П. Шереметев официально ехал за границу как частное лицо. Но за его поездкой скрывалась широкая политическая

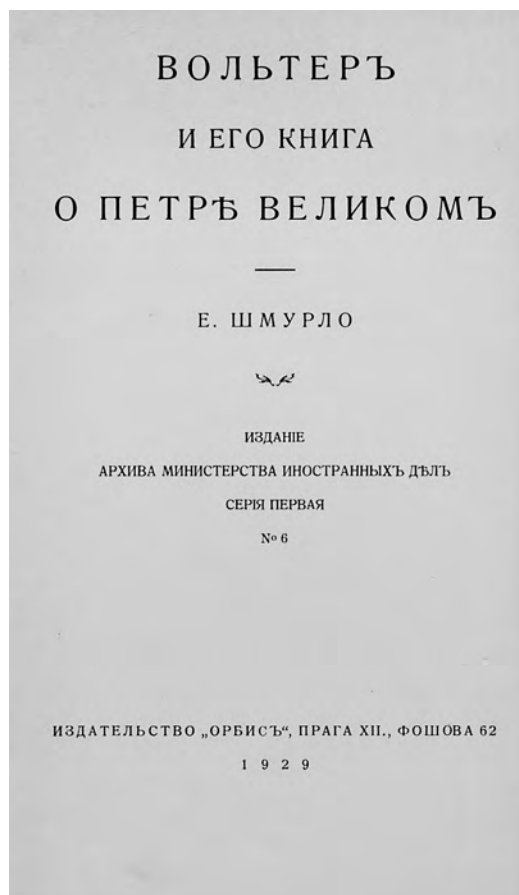
программа: «Петр ухватился за желание Шереметева и, сохраняя за его поездкою характер частного дела, внес в нее элементы, придавшие ей значение дела государственного, выходящего за пределы личных интересов»²¹. Е. Ф. Шмурло предположил, что задачей Б. П. Шереметева было прояснение на месте европейской политической обстановки, а кроме того, подготовка визита в Рим русского царя в ходе Великого посольства.

Ученый подробно описал саму поездку, торжественный прием Б. П. Шереметева в Кракове, Вене, Венеции, Риме, сопутствовавший церемониал с приветственными речами, обменом подарками, извержение Везувия в Неаполе и т. д. И хотя официально русский путешественник не обладал никакими правами и полномочиями, везде в Европе его встречали как посла Российского государства: он ездил в парадных каретах, обменивается дипломатическими речами, присутствует на роскошных пиришествах, дарит дорогие подарки. Е. Ф. Шмурло отметил важную деталь: поездка Б. П. Шереметева была едва ли не первой в истории отечественной дипломатии, привлекая к себе огромное внимание европейской общественности. Она получила широкое освещение в тогдашней печати.

Особое внимание Е. Ф. Шмурло привлекло пребывание русского путешественника в Риме, где он был удостоен аудиенции папы Иннокентия XII. На основании официальных протоколов папской канцелярии историк с точностью восстановил церемонию приема (коленипреклонение перед папой, целование его туфли, вручение привезенных грамот и т. д.). Пребывание в Риме столь высокого гостя далекой православной страны с новой силой поставило вопрос об унии. Но Б. П. Шереметев настолько умело вел переговоры, что смог добиться высокого доверия и авторитета, выполнить часть поставленных задач, обходя при этом стороной вопрос о смене веры. Благодаря своей изворотливости, уже на Мальте Б. П. Шереметев, «...оставаясь „схизматиком“», был возведен в рыцари духовного католического ордена, получив горделивое право утверждать, что его заслуги перед христианским миром были настолько велики, что не признать их не могли даже противники по вере...»²². Е. Ф. Шмурло полагает, что успехи от поездки превзошли все ожидания. Б. П. Шереметев фактически выполнил миссию Великого посольства, которое в Италию так и не попало. Русскому боярину удалось реализовать широкую политическую программу: «Поездка, предпринятая по частным соображениям, выросла чуть не в государственную миссию, а сам Шереметев – в величину гораздо более значительную, чем какою он был дома, в пределах родной земли»²³.

Главным трудом Е. Ф. Шмурло о Петровской эпохе, опубликованным в годы эмиграции, стала книга о взглядах Вольтера на Петра Великого и его время²⁴ (ил. 2). Она была издана в 1929 г. при финансовой поддержке Министерства иностранных дел Чехословакии. Обширные авторские познания и глубина раскрытия темы были соединены в ней с блестящим литературным изложением, что превратило работу Е. Ф. Шмурло в увлекательное научное произведение.

Книгу Вольтера нельзя было назвать безвестной для русской историографии²⁵. И все же путь ее к читателю был тернистым, что предопределило некоторую отрывочность и фрагментарность интеллектуальных рефлексий. Показательно, что с момента появления в 1809 г. очень краткого и вольного перевода вольтеровского труда на русский язык²⁶ его полная квалифицированная публикация не состоялась. Труд Е. Ф. Шмурло был и остается по сей день единственным масштабным и разноплановым исследованием книги Вольтера о Петре Великом. Он в полной мере отражал глубокое внимание

Ил. 2. Обложка монографии Е. Ф. Шмурло «Вольтер и его книга о Петре Великом» (Прага, 1929)

историка к образам царя-реформатора в российской и европейской интеллектуальной культуре. Вместе с тем он смыкался и с авторским интересом к русско-французским связям. Так, в рукописном собрании Е. Ф. Шмурло в Славянской библиотеке в Праге имеется несколько папок выписок и заметок по истории двухсторонних взаимоотношений XVIII в.²⁷

Задачей ученого стала не просто попытка понять отношение Вольтера к Петру, выявить источники его познаний о России и русской истории. Не менее значимым было прояснить взаимоотношения французского просветителя и его русских заказчиков, оценить восприятие его работы русскими критиками, прежде всего Г. Ф. Миллером и М. В. Ломоносовым. Потому важной частью книги Е. Ф. Шмурло, помимо глубокого исследовательского текста, стали документальные приложения. Е. Ф. Шмурло впервые представил ответы на вопросы Вольтера, которые тот посылал в Петербург по ходу своей работы, а также критические замечания на его труд. Историка интересовало, какой материал направляли Вольтеру из России, какие требования предъявляли к нему как к автору, чему петербургские академики поучали Вольтера, как они вели полемику

с ним и, в конце концов, как французский просветитель использовал присланные ему сведения²⁸. Особенно примечательны в этом плане довольно резкие ремарки Г. Ф. Миллера, которые он составлял для Академии наук, а та, в свою очередь, дополняла их и, облекая в более мягкую форму, пересылала Вольтеру. Е. Ф. Шмурло по этому поводу справедливо замечал: «Академия старалась тщательно избегать всего, что могло бы шокировать щекотливый слух самолюбивого автора „Истории России при Петре Великом“»²⁹. Эта критика была особенно интересна для ученого, поскольку он считал, что конфликт между Вольтером и заказчиками труда о царе-реформаторе был изначально предопределен³⁰.

Разумеется, возможности Е. Ф. Шмурло были сильно ограничены его эмигрантским статусом, невозможностью обратиться к архивным и библиотечным коллекциям, оставшимся на Родине. Так, он оказался оторван от вольтеровской библиотеки, которая, по признанию многих исследователей, была способна пролить новый свет на отношение французского писателя к России и ее истории³¹. Эту задачу уже в 1970-х гг. решала в своих работах Лариса Лазаревна Альбина (1929–1993)³². Е. Ф. Шмурло приходилось

иметь дело лишь с тем материалом, который он успел собрать до революции и который сумел увезти за границу.

В личном фонде Е. Ф. Шмурло в ГАРФ сохранились рабочие материалы историка, которые хорошо демонстрируют, что сбор сведений для книги начался задолго до революции. Это и библиография литературы о Вольтере, и выписки из его собрания сочинений, касающиеся России³³. Там же находятся и сделанные им выписки из архивных источников, включая «Портфели» Г. Ф. Миллера в Московском главном архиве министерства иностранных дел и бумаги Вольтера в Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге³⁴. Что касается вольтеровских материалов, то Е. Ф. Шмурло познакомился с ними в период работы над книгой «Петр Великий в оценке современников и потомства», вышедшей в 1912 г.³⁵ Видимо, тогда у него сформировался и специальный интерес к труду Вольтера. Эти архивные материалы были кратко описаны Рудольфом Ивановичем Минцловым (1811–1883)³⁶. Были известны они и финскому историку Йохану Вильгельму Ронимусу (Johan Wilhelm Ronimus, 1865–1909), который в 1890 г. защитил диссертацию о взглядах Вольтера на Петра Великого³⁷. Е. Ф. Шмурло это исследование хорошо знал, но отмечал, что коллега не пошел дальше внешнего ознакомления с вольтеровскими материалами Публичной библиотеки³⁸.

В самом начале книги Е. Ф. Шмурло делает несколько замечаний на счет того, что книга о Петре Великом является всего лишь «...случайным и далеко не первостепенным эпизодом из литературной деятельности Вольтера», что «...к физиономии его, как писателя, новых черт она не прибавит; рассказ же о том, как автор творил свою книгу – заранее говорим – не изменит сложившегося представления о физиономии его и как человека»³⁹. К тому же Е. Ф. Шмурло подчеркивал, что Вольтер приступал к своей работе как литератор, а не как историк, что он хотел написать такую книгу, которую бы с интересом прочли «...в самых разных слоях французского общества, даже „парижанки“»⁴⁰. Но за этими проничными ремарками скрывалось устремление Е. Ф. Шмурло понять идейные основания вольтеровского подхода, что в итоге позволило признать труд французского просветителя важнейшей вехой в развитии европейской России. Е. Ф. Шмурло при этом понимал: «Хорошей истории царствования Петра не существовало; да таковой в ту пору не могло еще и появиться. Величие подвигов царя никто не думал серьезно отрицать; однако, печатная литература о нем уже полна была всякого рода вымыслов, истина зачастую искажалась тенденциозным анекдотом, вздорным слухом, а то и заведомой утрировкой или ложью. Насколько охотно отдавали дань должного Петру-государю, настолько же усиленно трепали его личность, рисуя русского царя то пьяным деспотом, грубым варваром-азиатом, то безжалостным отцом и мужем, тираном своих подданных»⁴¹.

Труд Е. Ф. Шмурло получил благожелательные отклики среди современников⁴². Был он известен и советским исследователям. Отсылки к нему мы находим в работах Ф. Я. Приймы, Н. С. Платоновой, Л. Л. Альбиной и др. Однако в силу библиографической редкости книга Е. Ф. Шмурло по сей день остается труднодоступной для ученых, что ставит насущный вопрос о необходимости ее переиздания. Несмотря на то, что изучение вольтеровской тематики продвинулось далеко вперед и что в Оксфорде под редакцией Мишеля Мерво (Michel Mervaud, род. 1929) было опубликовано академическое издание «Истории Российской империи при Петре Великом»⁴³, труд Е. Ф. Шмурло своего научного значения не утратил.

В годы жизни на чужбине Е. Ф. Шмурло неоднократно выступал как популяризатор знаний о Петре и его эпохе. Показательно его участие в памятных мероприятиях, приуроченных к 200-летию со дня смерти императора. 8 февраля 1925 г. Е. Ф. Шмурло прочел публичную лекцию «Петр Великий и его наследие» в Общественном доме в Праге. В ней ученый говорил: «...уже двести лет стоит Петр Великий, во весь гигантский свой рост, перед судом истории, двести лет ждет себе приговор, а суд истории, даже теперь, через двести лет, оказывается не на высоте положения и все еще не в силах, как следует, разобраться в великом деянии великого императора, – так велика и разностороння была работа Петра I, такой глубокий след оставила она по себе! Так взволнованно и неспокойно ощущаем мы и по сию еще пору полет и величавый размах его творческого гения!»⁴⁴ Эти слова хорошо отражали эмоциональный и интеллектуальный настрой собравшейся в зале публики и российской эмиграции в целом. На фоне сложившегося среди русских изгнанников культа великих людей и героизации прошлого Петр занял одно из ведущих мест. Примечательно, что в эмиграции многие прежние критики царя переосмыслили свое отношение к нему. Пожалуй, самым ярким примером служит П. Н. Милюков, некогда выступавший последовательным критиком Петра и его реформ. Тем не менее память об императоре в эмигрантских кругах была множественной и наполненной различными интерпретациями⁴⁵. В конце 1920-х гг. Е. Ф. Шмурло опубликовал серию небольших научно-популярных статей, посвященных отдельным сюжетам истории военно-морского флота России в начале XVIII в. и роли царя-реформатора в ней⁴⁶.

Е. Ф. Шмурло всегда был горячим поклонником Петра. Вместе с тем он никогда не закрывал глаза на недостатки самодержца, не стремился затушевать их. Свои главные работы о петровском времени ученый, бесспорно, написал еще до революции. Тогда же он полностью собрал источниковый материал, который позволил продолжать работу на чужбине. В годы эмиграции Е. Ф. Шмурло развивал давно намеченную линию, пытался завершить ранее начатые проекты. Однако в полной мере это удалось сделать лишь в отношении книги о взглядах Вольтера на Петра. Тем не менее эмигрантские работы ученого в высшей степени обогащают петровскую историографию и заслуживают переиздания.

¹ О биографии Е. Ф. Шмурло см. подробнее: Саханов В. В. Евгений Францевич Шмурло. Биографический очерк // Записки Русского исторического общества в Праге. Прага Чешская ; Нарва, 1937. Кн. 3. С. 27–39; Беляев С. А. Евгений Шмурло в эмиграции (основные вехи жизни и творчества) // Россия и Италия. Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX веке. М., 2003. С. 149–157; *Dubjeva L.* Professor õppekeele vahetuse situatsioonis: Jevgeni Šhmurlo Tartu ülikoolis 1891–1903 // Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi. Tartu, 2014. No. 42. L. 101–111; Ковалев М. В. Евгений Францевич Шмурло : русская итальянистика в эмиграции // Новая и новейшая история. 2016. № 1. С. 155–172.

² См., напр.: Демина А. П. «Автобиографические заметки» Е. Ф. Шмурло о его научной деятельности в Италии (1903–1924 гг.) / Археографический ежегодник за 1992 год. М., 1994. С. 248–253; Божье Я. В. «Римские каникулы» Е. Ф. Шмурло // Наука и власть : научные школы и профессиональные сообщества в историческом измерении : материалы науч. конф., Саратов, 22–25 октября 2002 г. М., 2002. С. 50–51.

³ Шмурло Е. Ф. П. В. Постников. Несколько данных для его биографии. Юрьев, 1894.

⁴ *Он же.* Кончина Петра Великого и вступление на престол Екатерины I (по данным Государственного архива в Гааге) // Сборник статей, посвященных Д. А. Корсакову. Казань, 1913. С. 352–365.

- ⁵ Шмурло Е. Ф. Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. Юрьев, 1903. Т. 1 : 1693–1700.
- ⁶ В феврале 1929 г. свое положение он обрисовал в письме к Е. П. Павловой, оставшейся в Ленинграде ученице К. Н. Бестужева-Рюмина: «Перед Вами 75-летний старик, который, однако, слава Богу, еще не чувствует на себе трагической тяжести этого возраста; голова еще светлая и продолжает работать, – работает еще не дурно (перед Вами не стану скромничать и скрывать этого радостного сознания); „ветхий денми“, но еще с молодой душою – по признанию многих окружающих; годы, разумеется, уже сказались: ноги не тверды, сердце работает хуже; резкое движение – и уже задыхаюсь; с лестницы, хотя бы и широкой, но без перил не сойти, да и на улице всегда с палкой» (ОР РНБ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 513. Л. 1 об).
- ⁷ Шмурло Е. Ф. Критические заметки по истории Петра Великого // ЖМНП. 1900. № 5. С. 54–98; № 8. С. 193–234; № 10. С. 335–366; 1901. № 12. С. 238–249; 1902. № 4. С. 421–439; № 6. С. 232–256.
- ⁸ См.: Ефимов С. В. Российский историк Евгений Францевич Шмурло и его неизданная монография «Петр Великий: от колыбели до Великой Северной войны» // Ораниенбаумские чтения : сб. науч. статей и публикаций. СПб., 2001. Вып. 1 : Эпоха Петра Великого. С. 238–244. В приложении к этой статье была опубликована глава «Детство Петра I» из упомянутой книги Е. Ф. Шмурло (Там же. С. 245–279).
- ⁹ Ковалев М. В. Евгений Францевич Шмурло : русская италянистика в эмиграции. С. 164–165; Гардзонио С., Сульмасо Б. Осколки русской Италии : исследования и материалы. М., 2011. Кн. 1. С. 216–217.
- ¹⁰ Шмурло Е. Ф. Государствование Петра Великого в первые годы по воцарении // Сборник Русского института в Праге. Прага, 1931. Т. 2. С. 29–58.
- ¹¹ Младший коллега историка, В. В. Саханев, указывал, что Е. Ф. Шмурло сумел восстановить 1–22 главы книги, охватывающие период от рождения Петра до Азовских походов включительно (Саханев В. В. Евгений Францевич Шмурло. Биографический очерк. С. 160). Ныне рукопись хранится в личном фонде Е. Ф. Шмурло в ГАРФ (Ф. 5965. Оп. 1. Д. 66–72).
- ¹² Аристов Н. Я. Московские смуты в правление Софьи Алексеевны. М., 1871.
- ¹³ Шмурло Е. Ф. Падение царевны Софьи // ЖМНП. 1896. № 1. С. 38–95.
- ¹⁴ *Он же*. Курс русской истории. СПб., 2000. Т. 3. С. 175–178, 180–182, 192–194.
- ¹⁵ Саханев В. В. Евгений Францевич Шмурло. Биографический очерк. С. 67.
- ¹⁶ Там же. С. 66.
- ¹⁷ Там же. С. 63.
- ¹⁸ Шмурло Е. Ф. Дипломатическая подготовка Петра Великого к Великой Северной войне // Труды V съезда Русских академических организаций за границей. София, 1932. Ч. 1. С. 605–607.
- ¹⁹ *Он же*. Сношения России с Папским престолом в царствование Петра Великого // Труды IV съезда Русских Академических организаций за границей. Белград, 1929. Ч. 1. С. 65–111.
- ²⁰ Там же. С. 111.
- ²¹ Шмурло Е. Ф. Поездка Б. П. Шереметева в Рим и на остров Мальту (Страница из политической истории России конца XVII века) // Сборник Русского института в Праге. Прага, 1929. Т. 1. С. 10.
- ²² Там же. С. 23.
- ²³ Там же. С. 31.
- ²⁴ Шмурло Е. Ф. Вольтер и его книга о Петре Великом. Прага, 1929.
- ²⁵ См. подробнее об этом: Платонова Н. С. Вольтер в работе над «Историей России при Петре Великом» : новые материалы // Литературное наследство. 1939. Т. 33. С. 1–24; Алексеев М. П. Вольтер и русская культура XVIII века // Вольтер : статьи и материалы. Л., 1947. С. 13–56.
- ²⁶ Вольтер. История Российской империи в царствование Петра Великого, сочиненная Г[осподино]м Волтером. М., 1809.
- ²⁷ Slovanská knihovna v Praze. Trezor. T-A 2044/565–582.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 91. Л. 58.
- ²⁹ Шмурло Е. Ф. Вольтер и его книга о Петре Великом. С. 212.
- ³⁰ ГАРФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 91. Л. 8.
- ³¹ Люблинский В. С. Вольтер в советских фондах // Вольтер. М. ; Л., 1948. С. 328.

- ³² *Альбина Л. Л.* Источники «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера в его библиотеке // Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов. Л., 1980. Вып. 2. С. 153–170.
- ³³ ГАРФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 94, 95, 102, 105.
- ³⁴ Там же. Ф. 5986. Оп. 1. Д. 96. Л. 1–19; Д. 97. Л. 2–14.
- ³⁵ *Шмурло Е. Ф.* Петр Великий в оценке современников и потомства. СПб., 1912. Вып. 1.
- ³⁶ *Мицлов Р. П.* Петр Великий в иностранной литературе. СПб., 1872.
- ³⁷ *Ronitus J. W.* Voltaire som Peter den Stores historieskrifvare. Wiborg, 1890.
- ³⁸ ГАРФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 91. Л. 7; Д. 105. Л. 27–33.
- ³⁹ *Шмурло Е. Ф.* Вольтер и его книга о Петре Великом. С. 1.
- ⁴⁰ ГАРФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 91. Л. 8.
- ⁴¹ *Шмурло Е. Ф.* Вольтер и его книга о Петре Великом. С. 118.
- ⁴² *Hajek Z.* Kritické dílo o Voltairovi jako historiku // Lidové Noviny. Brno, 1929. 12. března; *Историк [Флоровский А. В.]* История книги Вольтера о Петре Великом // Россия и славянство. 1929. 7 декабря; *Мякотин В. А.* Вольтер, как историк Петра Великого // Последние новости. 1930. 9 января; *Eck A. Šmurlo* (E.) Voltaire et son oeuvre «Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand» // Revue belge de philologie et d'histoire. 1932. T. 11. Fasc. 1–2. P. 193–196.
- ⁴³ *Voltaire.* Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand / ed. by M. Mervaud. Oxford, 1999. (Oeuvres complètes de Voltaire ; vol. 46–47).
- ⁴⁴ *Шмурло Е. Ф.* Петр Великий и его наследие. Прага, 1925. С. 1.
- ⁴⁵ *Ковалев М. В.* Между политикой и идеологией : метаморфозы исторической памяти русской эмиграции 1920–1940 годов // Россия XXI. 2012. № 3. С. 137–140.
- ⁴⁶ *Шмурло Е. Ф.:* 1) Петр Великий – основатель русского военного флота // Морской журнал. Прага, 1928. № 1. С. 7–9; 2) Месяц январь в жизни Петра Великого // Там же. С. 9–10; 3) Кто был первым адмиралом русского флота // Там же. № 3. С. 6–9; 4) Первое появление Петра Великого на Балтийском море (май 1703 года) // Там же. № 5. С. 5–9; 5) Первые этапы Петра Великого на пути к морю (июнь 1688 г.) // Там же. № 6–7. С. 10–16; 6) Отзыв итальянца о русском флоте 1706 года // Там же. С. 16–17; 7) Петр Великий на Белом море // Там же. № 9. С. 9–11.